

Глава I

ЗОВ ИЗ ТЕМНОТЫ

Меня разбудил запах крови. Он был очень сильный и походил на звук, который, проходя через резонатор, усиливался и отдавался громким эхом вокруг. Все мое тело, казалось, всасывает его в себя. Перед глазами всплывали странные картины. Мутный и желтоватый свет уличных фонарей, выстроившихся вереницей в тумане; речная вода, стремительные потоки которой закручивали воронки внизу у обрыва; валявшийся на мокрой проезжей части алый зонт; строительный брезент на стройке, развевающийся на ветру. Откуда-то сверху доносилось пение какого-то мужчины, язык которого явно заплетался:

Женщина под дождем, которую забыть не могу.
Ее забыть не могу...

Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы догадаться, что случилось. Не нужно было обладать воображением гения, чтобы предсказать, что произойдет. Это была не реальность и не обрывки сновидения. Это был сигнал, который моя голова посылала телу. *Не двигайся, просто лежи! Ведь это расплата. Расплата за то, что ты самовольно перестал принимать лекарство, предотвращающее припадки.*

«Прекращение приема лекарства» было для меня сладостным дождем, который орошал мою жизнь-пустыню. И пусть, переживая страшную бурю припадка, я время от времени должен был платить за эту свободу. Все мои чувства, мысли и видения в тот момент предвещали скорый разгул стихии.

Беспорядочные галлюцинации — так это можно назвать по-научному.

Нет гавани, где можно было спрятаться от бури. Ничего не оставалось, как ждать ее начала. Буря бросала меня, абсолютно беззащитного, во мрак. Учитывая прошлый опыт, очнувшись, я совершенно не помню, что со мной происходило. До пробуждения сознания я нахожусь в долгом глубоком сне. Это похоже на физический труд, нечто такое же простое и интенсивное, после чего чувствуешь себя сильно уставшим, обессиленным. Конечно, я сам виноват — ведь я прекрасно понимал, что будет, если я прекращу принимать лекарство. Это сродни зависимости — повторяешь опять и опять, прекрасно осознавая, каковы последствия.

Как правило, зависимые люди принимают наркотики ради эйфории, в моем случае все было наоборот. Я должен был прекратить прием лекарства, и тогда через некоторое время наступало время магии. Побочные эффекты — головная боль и шум в ушах — исчезали, мое восприятие становилось очень острым. Нос улавливал малейшие запахи, точно я обретал обоняние пса. Мозг работал как никогда быстро, и я воспринимал мир больше интуитивно, чем сознательно. Я чувствовал себя хозяином своей жизни. Мне казалось, что все люди находятся в моей власти.

Конечно, были и кое-какие неприятные моменты. Мама и ее сестра были мне неподвластны. Моя жизнь напоминала подушку, на которой уселись две эти женщины. Попросить их убрать свои задницы не было никакой возможности. Я мог с большой долей вероятности предположить, что бы произошло, если бы мама увидела мой припадок.

Как только я бы очнулся, она сразу отвела бы меня к своей сестре, известному и авторитетному психиатру, главному врачу детской клиники и по совместительству моему лечащему врачу. Тетя смотрела бы мне в глаза и дружелюбно пыталась бы меня вопросами, пока я ей не отвечу. *Почему ты прекратил принимать лекарства? Я смогу тебе помочь, только если ты мне все честно расскажешь.* Если уж говорить начистоту, честность не самое главное мое достоинство, я вообще

к ней не стремлюсь. Я предпочитаю практичность, поэтому ответил бы так. *Совсем вылетело из головы, и на следующий день я так про него и не вспомнил.* Тетя, которая видит весь мир насквозь, вынесла бы вердикт — «намеренное прекращение приема лекарственных препаратов». А судебный исполнитель, моя мама, при каждом приеме пищи заставляла бы меня принимать лекарства в ее присутствии. Она внушала бы мне, какую высокую цену мне придется заплатить за «несколько офигенных дней», давая ясно понять, что, пока я буду вести себя так, я не смогу избавиться от ее задницы, сидящей на подушке.

Ючжин!

Вдруг я вспомнил голос мамы, который услышал перед пробуждением. Он был тихим, как ветерок во сне, но отчетливым, будто хватал меня за руку. Однако сейчас, проснувшись, я не чувствую в доме ее присутствия. Вокруг царит тишина, от которой закладывает уши. В комнате очень темно, значит, пока не рассвело. Если еще не половина шестого, то мама, скорее всего, спит. Тогда я могу успеть перенести припадок втайне от нее, как было накануне поздно вечером.

Все произошло около полуночи. Я стоял, переводя дыхание, у пешеходного перехода недалеко от мола, после пробежки до смотровой площадки «Млечный путь», расположенной в морском парке архипелага. Я каждый раз отправляюсь бегать, когда мое тело переполняет силы и мускулы напрягаются, этот симптом называют «моторным возбуждением», а я называю его «собачьей болезнью». Происходит это обычно глубокой ночью, поэтому я бы выразился еще точнее — «безумное моторное возбуждение».

В этот час дорога была пуста, как и мол. Стоявшая возле перехода уличная палатка-пирожковая «У Ёни» была закрыта. Пристань внизу была полностью скрыта во мраке, а шестиполосное шоссе, похожее на взлетно-посадочную полосу, окутывал густой туман. Дул резкий, свирепый ветер, обычный для приморского города. Стояла зима, но шел сильный дождь. Такую погоду иначе, как ненастной, не назовешь, а я ощущал такую легкость во всем своем теле, словно на улице светило

солнце. Казалось, я мог долететь до дома по воздуху. Настроение было приподнятым. Просто совершенная ночь, если бы не запах крови, который донес до меня ветер.

Запах был тошнотворный, с привкусом железа. Он бил мне прямо в лицо, как встречный ветер. Запах был не таким интенсивным, как сейчас, но достаточно сильным, чтобы его можно было принять за сигнал о надвигающемся припадке. На небольшом расстоянии от меня прямо в мою сторону шла женщина, которая приехала на последнем автобусе. Держа в руке зонт, она быстро семенила, как пингвин, из-за дувшего ей в спину ветра. Было бы и в самом деле неплохо перелететь домой, потому что я совсем не хотел, чтобы незнакомая женщина видела, как я валяюсь посреди дороги, извиваясь всем телом, словно кальмар на жаровне.

После этого мое сознание отключилось. Видимо, оказавшись у себя в комнате, я сразу, даже не раздевшись, лег в кровать и уснул, мирно похрапывая. Это был третий припадок в моей жизни, но впервые сразу после пробуждения начались симптомы, предвещающие новый. Эти симптомы и интенсивность запаха отличались от тех, что я ощущал раньше. Мне казалось, что я лежу в дыму от разорвавшейся бомбы. Кожу кололо, в носу щипало от запаха, сознание было нечетким. Видимо, новый припадок будет сильнее, чем когда-либо.

Его сила не внушала мне страха: не все ли равно — промокнуть от ливня или от морозящего дождика. Главное, чего я хотел, это чтобы он побыстрее начался и закончился до пробуждения мамы.

Я принял выжидательную позу и закрыл глаза. Я повернул голову вбок, чтобы предотвратить возможные затруднения с дыханием, мне было жаль свое тело, которое скоро начнет скрючиваться и сгибаться в дугу. Я расслабился и глубоко вдохнул. *Раз, два...* Когда я досчитал до пяти, зазвонил радиотелефон, лежавший на прикроватной тумбочке. Звук был настолько неожиданным и громким, что, казалось, мои ушные раковины выворачиваются наружу. Меня всего передернуло от мысли, что сейчас в гостиной на нижнем этаже также раздается громкий звонок, от которого в испуге проснется мама.

Я почувствовал ужасное раздражение. Что же это за дурак в такую темень, на рассвете...

Звонок прервался. Но сразу, словно принимая эстафетную палочку, пробили напольные часы. Пробили всего один раз. Таким ударом они возвещали половину каждого часа. Сейчас точно не час ночи, значит, половина шестого утра. Я всегда просыпался в это время. Эта привычка появилась у меня еще в начальной школе, когда я начал заниматься плаванием. Я всегда просыпался в это время на рассвете, за час до тренировки, независимо от того, во сколько лег спать накануне. Наверняка мама сидит сейчас за письменным столом в своей комнате и, как обычно, произносит молитву Деве Марии, повторяя ее трижды.

Радуйся, Мария, благодати полная!
Господь с Тобою;
Благословенна Ты между женами,
И благословен плод чрева Твоего Иисус...

После молитвы мама должна пойти в ванную и принять душ. Я прислушивался, пытаюсь понять, что происходит на нижнем этаже. Вдруг я услышу, как она отодвигает стул или включает воду. Но я мог различить лишь громкий телефонный звонок. На этот раз звонил мой сотовый. Видимо, и предыдущий звонок на домашний телефон был адресован мне.

Я протянул руку и пошарил около подушки. Телефон должен был быть там, но я никак не мог его нащупать. Может быть, я оставил его на столе или в ванной... Пока я искал, звонок прекратился. Через некоторое время снова зазвонил домашний телефон. Я резко поднялся и взял трубку. Сказал: «Алло» — и сразу услышал знакомый голос:

— Ты что, до сих пор спишь?

Это был Хэчжин. Меня разом покинули силы. Ну, конечно, кто мог искать меня в это время? Только хозяин комнаты на первом этаже.

— Я уже проснулся, — ответил я.

— А что делает мама? — Этот вопрос был совсем неожиданным, как и время звонка. Вчера он сказал, что должен

встретиться с людьми из киностудии. Может быть, он ночевал не дома? Я решил проверить.

— А ты что, не дома?

— Ты, видно, еще не до конца проснулся. Будь я дома, стал бы я звонить? Я сейчас в районе Санамдон.

Оказалось, что накануне вечером Хэчжин встречался с продюсером фильма «Частный урок», на съемках которого он работал прошлым летом. Тот предложил ему новую работу, и они пошли в кабак отметить заключение контракта. Потом Хэчжин поехал на студию одного знакомого смонтировать видеоролик с торжеств по случаю шестидесятилетнего юбилея, который он снимал в тот день. В студии его разморило, и он уснул.

— Я только что проснулся, проверил свой телефон и увидел, что ночью мне звонила мама. Странно, в это время она должна была спать.

Он был уверен, что все дома уже встали, но никто не подошел к телефону, он забеспокоился и позвонил мне.

— Что-то случилось? Все в порядке?

Я резко поднес руку к глазам — она вся была какая-то затвердевшая и на ней что-то налипло. К коже лица вокруг глаз, рта и носа тоже что-то приклеилось. Я это просто почувствовал, не дотрагиваясь. Как сказала бы самая образованная из всей нашей родни тетя, «ощущение инородного тела без воздействия тактильных корпускул».

— Что может случиться? — с деланным безразличием ответил я, трогая свои волосы. В них тоже что-то запуталось и затвердело.

— Да? А почему тогда она не отвечает? Я звонил и на домашний, и на сотовый, — сказал Хэчжин.

— Наверно, она молится. Или в ванной, или занята чем-нибудь на веранде, вот и не слышала звонка.

Я продолжал ощупывать грудь, живот, ноги. Я был в той же одежде, в которой ночью выходил из дома, но она казалась совсем другой. Мой мягкий приятный на ощупь свитер стал жестким, как тряпка, которую сто дней подряд сушили под палящим солнцем. Штаны были твердыми, словно бычья

кожа до выделки. Я приподнял свои ноги и потрогал носки, они были такими же жесткими, как и свитер.

— Да, может быть, — сказал Хэчжин, будто сам себе. Мне даже показалось, что я вижу, как он в сомнении слегка наклонил голову.

— Точно? Ничего не случилось? — снова переспросил он. Я раздраженно кивнул. Ну, что могло случиться, кроме того, что я выгляжу так, словно вывалялся в грязи.

— Ну, если ты переживаешь, перезвони маме попозже.

— Да нет. Скоро я буду дома.

— А когда? — спросил я и задумался. Что же случилось со мной ночью, почему я весь в грязи? Пока я «летел домой», разве я где-нибудь падал? Я не мог вспомнить. Даже если и падал, грязи нигде ведь не было. Только если я возвращался домой через стройку, развернувшуюся в нашем районе. Или поскользнулся, перепрыгивая через клумбу возле дома.

— Приму душ и сразу домой. Думаю, до девяти буду, — Хэчжин положил трубку, а я сел на кровати, вернул телефон на тумбочку и взял пульт управления лампой. Когда я включил свет, над головой зажглась люминесцентная лампа, а в ушах взорвался крик мамы снизу.

Ючжин!

Я осмотрел комнату, и у меня перехватило дыхание. Сглотив, я сильно закашлялся, ударил себя в грудь, и из глаз потекли слезы. Я рухнул на кровать.

Когда я был пловцом, я получил золотую медаль в соревнованиях по плаванию на дистанцию 1500 метров. Тогда один журналист из ежедневной газеты спросил меня про мои сильные стороны. Я, как научила меня мама, скромно ответил, что мое дыхание достаточно синхронизировано с движениями. Тренер, отвечая на тот же вопрос, уже без ложной скромности сказал, что у меня крепкая грудная клетка и объем легких больше, чем у остальных его учеников. В этом мире перекрыть мне дыхание могли только два человека, а вернее, две женщины, которые сидели верхом на мне, как на подушке. Или если бы в моем горле разорвалась торпеда, которая именно сейчас, когда я осматривал комнату, была в меня запущена.